

Тот человек и не ожидал, что кто-то внезапно выскочит на дорогу, поэтому оказался совершенно не готов, когда Е Цзиньвэнь сбил его с ног.

Это был необычайно изящный юноша, чьи черты лица еще не до конца сформировались, но уже источали некую порочность. Трудно даже представить, сколько парней и девушек в будущем падет к его ногам. Его кожа была невероятно хороша, что резко контрастировало с лицом Е Цзиньвэня, сплошь покрытым прыщами, и вызывало у того лишь лютую зависть.

Е Цзиньвэнь распластался на груди юноши, и тот инстинктивно обхватил его руками. Они оказались так близко, что еще пара миллиметров — и их губы соприкоснулись бы в поцелуе. По идее, картина должна была выглядеть невероятно эстетично, но...

Вес Е Цзиньвэня в сто килограммов был не шуткой. Для юноши нормального телосложения, оказавшегося под ним, это было сродни удару Тайшаньской горы, отчего тот чуть не перестал дышать.

— Твою мать! Ты сейчас раздавишь меня, придурок!

Услышав этот голос, Е Цзиньвэнь пришел в себя и попытался поскорее встать, но его лицо залилось краской: он изо всех сил старался подняться, однако ничего не выходило.

Он и сам хотел встать, но избыточный вес и обилие жира сковывали движения, не давая самостоятельно подняться на ноги.

Юноша, увидев это, рявкнул на стоявшего рядом остолопа:

— Чего встал как истукан? Помогай! Ты что, свинья?

Услышав приказ, приятель юноши опомнился:

— Чем ты вообще думаешь? Ходишь и под ноги не смотришь! А ну, поднимайся!

Он тут же протянул руки, пытаясь оттащить Е Цзиньвэня. От этого лицо последнего покраснело еще сильнее, он был до крайности смущен. Однако Е Цзиньвэнь был невероятно тяжелым, и, как только приятель попытался его поднять, сил не хватило, и...

Е Цзиньвэнь снова рухнул прямо на юношу.

Тот едва не отдал богу душу на месте.

К счастью, со второй попытки, общими усилиями двоих, Е Цзиньвэня наконец удалось поднять.

Первое, что сделал Е Цзиньвэнь, встав на ноги — это согнулся в пояснице, принявшись извиняться:

— Простите, простите, простите, я не хотел, правда, я не нарочно...

Е Цзиньвэнь повторял эти слова снова и снова, не зная, что еще сказать.

Увидев извинения, приятель юноши начал распаляться еще сильнее:

— Думаешь, извинениями всё решишь? Ты хоть знаешь, в какую передрагу попал? Ты хоть понимаешь, кого ты сбил?

Е Цзиньвэнь поднял голову, взглянул на нахмурившегося юношу, тут же опустил глаза и покачал головой, давая понять, что не знает.

— Да твою же мать! Шэнь Ичэнь — это имя ты хоть слышал?

Е Цзиньвэнь действительно не был знаком с Шэнь Ичэнем лично, но само имя было ему знакомо.

Ходили слухи, что тот был настоящим грозой школы, участвовал во всех драках и разборках, но при этом руководство школы никогда даже не заикалось об отчислении или дисциплинарных взысканиях — всё потому, что среди членов школьного совета был его родственник. Поговаривали также, что семья Шэнь Ичэня была связана и с криминальным, и с деловым миром, и никто не осмеливался переходить дорогу этому маленькому дьяволу.

Поэтому реакция Е Цзиньвэня, когда он понял, кого сбил, была предельно простой:

Он дал деру.

Скорость, с которой он бросился наутек, была куда выше, чем мгновение назад. В один миг он исчез из поля зрения Шэнь Ичэня и его приятеля.

<http://bllate.org/book/21248/2150084>